

Он бежал к соснам, вдоль горного ручья. По мху, пропитанному прозрачной и ледяной водой. Бежал, не щадя сил. Сердце разрывалось от невыносимой стремительности бега. Так спасаются от смерти. Когда она застаёт воина слабым. Врасплох.

Смерть мчалась следом. Три всадника – воины из личной охраны даймио Таори, восставшего против императора. Озираясь на бегу, беглец видел светлые кирасы преследователей с начертанными на них черными иероглифами - доспехи тосэй-гусоку. За плечами всадников развевались алые полотнища флагов-сэсимоно. Он слышал, как храпят за его спиной лоснящиеся обильным потом свирепые кони, как опадает в осоку пена с лошадиных морд. Но не было перестука копыт, дробивших прибрежную гальку. И грохота стальных лат тоже не было. И боевых ликующих криков. Всадники, словно летели над мокрыми травами. Такие явственные. Бесплотные, беззвучные, легкие, несмотря на обилие вооружения, сотканые из тумана. Один из них вознес над беглецом меч, низко пригнувшись к холке коня. Сверкнула золоченая личина самурайского шлема – маска ослепительно улыбающегося бодхитхармы. Меч со свистом резанул воздух, но беглец выскользнул из-под удара и успел метнуться к соснам.

Он долго петлял, как заяц, среди могучих древних деревьев. Погоня затерялась в лесу. И он успел выйти к маленькому озеру – беспокойному и наполненному до краев красной жижей, переливавшейся крутыми волнами, вскипавшей гейзерами. Он, не задумываясь, вошел в озеро. Потому что на противоположном берегу его ждали. Там, у замка с красной черепичной крышей - на углах золотые драконы, стояли князь Тода, отец, брат Мито и какой-то чужеземец: коренастый, в мохнатой шапке, с пышными усами и бородой клином - пришелец с севера, варвар из владений русского царя. Его короткий меч оправлен в чеканное серебро, прикручен к черному поясному ремешку. Длинный меч не похож на катану. Подвешен к поясу не по правилам – лезвием вниз, а не вверх, на левом боку на двух серебряных шнурах. Красное кимоно плотного сукна, странного покроя, украшено на груди двумя рядами круглых золоченых палочек.

Беглец поплыл к замку. Когда добрался до середины, над его головой засвистели стрелы. Преследователи гарцевали на берегу, осаживая горячих бешеных коней, и стреляли из луков, не спешиваясь.

Ни одна стрела не попала в беглеца. Он благополучно доплыл до берега. Вышел из красной жижи – не вода то была, а кровь – и не нашел на берегу князя Тода, отца, брата. Не нашел самурая с севера. Не было замка. Только руины. Рухнувшие балки догорали, истекая черным жирным дымом.

«Где? Когда?» - подумал Такуан, проснувшись в домике на окраине Кобе. Он вскочил, отирая лицо ладонями. Долго сидел, сгорбившись. Пока не вспомнил.

Как давно это было. Но было. Столько лет назад. Императорские войска потерпели поражение от восставших самураев княжества Сацума, которых возглавил хитрый, как лис, полководец Сайто Таори. Отец, не выдержав позора поражения, поспешил совершить сэппуку.

-Я видел отца. И князя. Брата Мито.

Женщина, проснувшаяся рядом с ним, попыталась подкрутить фитиль лампы, чтобы пламя вспыхнуло ярче. Но Такуан попросил:

-Пожалуйста, не надо света, Каору.

-Ты снова видел восстание.

-Да. Битва у ручья. Последняя. Мы спасались бегством. А я не смог смыть позор бесчестия. Поступить как отец.

-Но ведь на то была воля князя Тода. И ты, и Мито еще были совсем дети. Князь запретил сэппуку.

-Неправда, Каору, - мягко сказал Такуан, - в тринадцать лет самурай уже воин. Тебе ли не знать об этом?

-Что может знать о войне гейша? Только то, о чем ей расскажет возлюбленный.

-Конечно, лучше тебе ничего не узнать об этом.

Прошелестели седзи. Такуан отодвинул панель, оклеенную плотной промасленной бумагой. В саду у миниатюрного пруда, где плескался старый громадный карп, он расстелил циновку для медитации. Он должен был очистить мысли, чтобы узнать о том, какая весть была послана ему вместе с этим сном. Разгадать сокровенное. Бы ли сон вещим? Что означал? Он должен был размыслить о многом перед тем, как рассказать об увиденном престарелому князю Тода. Он мог быть откровенным рядом с учителем. Князь спас его и брата после поражения отряда отца в ужасной сече, приютил в своем лагере, заменил им с братом отца, когда тот отправился по пути славы, испытал поражение в сражении с войсками Сайто Таори. Отец сражался под знаменем императора Мейдзи во славу японского императора. Но что есть слава? Долг чести и мести? Звучный и пустой грохот, подобный удару гонга, призывающего на битву? Кровавый и мучительный сон, раздражающий сердце сомнением. Ярость битвы и кротость, милосердие? Одно исключает другое. Зачем князь Тода на два года посылал Такуана в Токио внимать проповедям русского епископа Николая, настоятеля тамошнего православного храма? Чтобы заставить кровоточить сердце и душу Такуана? Во имя чего?

продолжение следует...